

РАХИМ САТТАР

ЗАВЕЩАНИЕ

РАХИМ САТТАР

ЗАВЕЩАНИЕ

КАЗАНЬ
2004

УДК 820/89(470)
ББК 84-5(2Рос-Рус)-5
С21

Составитель
Исхакова С.Г.

Саттар Р.
С21 Завещание, -Казань: 2004.-112 с.

9 мая 2005 года мы с большой радостью отметим 60-летие Великой Победы над фашистской Германией. Миллионы сыновей и дочерей нашей страны отдали свои жизни ради нас, чтобы мы имели будущее. Они завещали нам нашу Родину - Советский Союз.

В этой книге рассказывается об одном из них - солдате, журналисте, поэте Рахиме Саттаре, погибшего в 1943 году в Польше.

Сборник составлен из стихов Рахима Саттара, написанных им в фашистском плену и также сюда включены очерки, рассказы о нем, и воспоминания об отце его сына, Саттарова Иля Рахимовича.

УДК 820/89(470)
ББК 84-5(2Рос-Рус)-5

© Исхакова С.Г.
составление, 2004

ВЕРНЫЙ СЫН ОТЧИЗНЫ

Нельзя без волнения держать в руках рукописный сборничек, на обложке которого автор собственноручно вывел место и время “издания”: “Смоленск - Борисов - Вуэтрау - Радом - Берлин. 1942 - 1943”. Стихи, составившие его, писались в гитлеровских лагерях для военнопленных и в гестаповских застенках. Защитые в арестантскую робу на груди, они слышали биение сердца поэта и, спустя два десятилетия, передали нам его слова.

...Как только началась Отечественная война, заместитель редактора молодежной газеты в Казани Рахим Саттар ушел в армию, стал десантником. В одном из боев на Западном фронте он попал в плен. Но и за колючей проволокой лагеря смерти до последних минут жизни не потерял Рахим Саттар гордости советского человека, мужества солдата, гражданской совести поэта. Об этом говорят стихи, дошедшие до его Родины сквозь все заслоны. Одно стихотворение так и названо “Родине”:

**В дыму качается восток,
он весь горит,
Там вдалеке сосновый бор,
как медный щит.
Я, съезжившись, смотрю туда
опять, опять,
Ведь где-то там живет моя
родная мать.
Однополчане там мои,
а где же я?
Я - сирота? Ответь, скажи,
страна моя!
Все беды разделю с тобой,
томясь в огне.
Бей по врагам, земля моя!
По мне, по мне!**

По мне! Снарядов не жалей,
По тюрьмам бей!
Я все равно шепну: “люблю”
Москве моей.

(Перевел с татарского Р. Солнцев)

Союз писателей Татарии создал комиссию по литературному наследству Рахима Саттара, в Казани будет выпущена книга его стихов.

Я побывал в республиканском Доме народного творчества, где работает сын поэта - Саттаров Иль Рахимович. Он показал мне последнее письмо с фронта, адресованное ему, тогда девятилетнему мальчишке. Там есть слова: “Если не будешь хорошо знать родной язык, ни одного языка хорошо знать не будешь...” Иль подходит к окну и вполголоса поет “Прерванную песню” Рахима Саттара, переложенную на музыку Задиром Бичуриным. Поет и смотрит в окно... Напротив, в Доме печати работал его отец.

Подобно своему земляку Мусе Джалилю, подобно сотням тысяч других советских людей, Рахим Саттар защищал свободу и мирный труд своей Родины и погиб как ее верный сын и герой, память о котором неизгладима.

/О. Моисеев. Журнал “В мире книг” №8, 1965 г./

ПЕСНЯ НЕ УМИРАЕТ

Это случилось в дни штурма Берлина. Группа советских солдат ворвалась во двор Моабитской тюрьмы, где гитлеровцы содержали обычно особо важных политических заключенных. Тюрьма была пуста. Над черными плитами двора стлался густой дым. Ветер бросал под ноги обрывки бумаг. Один из автоматчиков нагнулся и поднял с земли обгоревший листок.

“Я, татарский поэт Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму и приговорен к смертной казни”...

Оборвался хриплый голос солдата. Молча встали вокруг товарищи.

“... Сообщите об этом в Москву, в Союз писателей... моим родным, которые живут в Казани...”

Все дальше и дальше от Моабита, к центру Берлина удалялась канонада боя. Во дворе тюрьмы было тихо. Низко над землей по-прежнему стлался густой дым. Ветер гонял клочки обгоревших бумаг. И жутко, мертвыми глазами камер навис Моабит над горсткой советских солдат, обнаживших головы перед светлой памятью героя - поэта...

...Так случайно найденная записка поведала миру о горькой участи замечательного человека, о славной судьбе борца, не дрогнувшего в фашистском застенке. Позже, страница за страницей, мы узнавали о его боевых товарищах, и в неволе оставшихся верными Родине, “не преклонившими колен под топором палача и принявшими смерть стоя”.

Об одном из них - поэте Рахиме Саттаре - мы расскажем сегодня.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Я горд. И не склоню головы
перед врагом.

Дышу свободно.
Как стены тяжелы.
Оковы тяжелы.
Но волен дух,
как свет, входящий в окна.

До сих пор мы знаем о нем мало. У Иля Саттарова хранится трудовая книжка его отца. Каждая запись в ней - сдержанный штрих к биографии ее владельца, к одной из тех биографий, о которых говорят: "Как штык, коротка и проста, как баллада".

Абдрахим Сулейманович Абдулсаттаров (Рахим Саттар) родился в 1912 году. Трудовой путь начал с 16 лет. Образование незаконченное высшее. Около года работал в Наркомпросе Татарской АССР, пока не "нашел себя" в журналистике. В редакции газеты "Яшь сталинче" он заведовал сначала военным отделом, затем стал заместителем ответственного редактора.

На этом записи в трудовой книжке обрываются.

Известный татарский поэт Наби Даули, работавший в то время в "Яшь сталинче", вспоминает, что Рахим Саттар был среднего роста, энергичным, порывистом человеком, охотно и быстро сходящимся с людьми.

Он много работал, часто писал. Очевидно, газета стала для него той школой, где оттачивалось его литературное дарование, крепились политические убеждения, где формировалась его личность партийного журналиста.

Нур Хамитович Хамиди, старший инспектор Таткниготорга, познакомился с Р.Саттаром в 1938 году, когда принес в редакцию свои стихи. Они подружились. Оба любили поэзию, оба, как нередко бывает в юности,

пробовали сами писать, вместе перевели даже первую главу из романа А.Толстого "Хлеб". У Хамиди была большая библиотека. И Рахим брал у него книги, особенно любил исторические.

Во время войны с белофиннами трое из Дома печати ушли добровольцами на фронт. Один из них - Саттаров. Он никому не рассказывал о боях - от природы был молчалив и скромн.

Когда в августе 1940 года, вернувшись в Казань, Хамиди прямо с поезда, в форме, пришел в редакцию, он застал друга на месте. И тот даже не обмолвился, что тоже участвовал в финской кампании. До поздней ночи проговорили в тот день друзья. О стихах, о жизни, о войне. О предстоящей войне. Рахим считал неизбежной схватку с фашизмом, говорил, что нужно быть готовым к этому в любую минуту, что от Гитлера можно ожидать всякого. Умолчал только о том, что начал изучать немецкий язык.

Мы знаем, что воевать Рахим Саттар ушел чуть позже своих товарищей, хотя уже в первый день войны, услышав по радио страшную весть, попросился добровольцом на фронт. В военкомате ему ответили:

- Ждите, вызовем.

Ненадолго хватило терпения. Снова шел в военкомат, пробовал доказывать:

- Я участвовал в боях с белофиннами, пулей и штыком мечен, мне ли отсиживаться в тылу?!

Военком поднимал усталые глаза, повторял:

- Ждите вызова.

Ночью, спросонок сын слышал, как отец заучивает непонятные слова. Шли бессонные тяжелые ночи войны. Там, за Москвой, пылали города и села, наши войска, неся большие потери, отходили на восток.

Рахим приходил в редакцию всех раньше. Уходил позже всех, прихватив кучу писем. Утром на них были готовы ответы, из других получались заметки, написанные с такой

болью, что за душу брало. Он словно хотел в работе приглушить горечь той незаслуженной обиды, которую, как казалось, ему нанесли. Его товарищи не на жизнь, а на смерть сражались с ненавистным врагом, отстаивали каждую пядь земли, а он...

В октябре 1941 года почтальон принес, наконец, долгожданную повестку. Его провожали родная мать с его сыном - Илем. Они спустились по Большой Галактионовской вниз к Ленинскому садику. На трамвайной остановке он снял рюкзак, крепко обнял сына:

- Расти, Иль, смелым батыром!

Вскочил на подножку тронувшегося трамвая. Иль таким его и запомнил: с какой-то грустной, немного виноватой улыбкой, стоящим на подножке уходящего трамвая. Отец как будто знал, что они расстаются навсегда.

Около полугода Саттаровы получали с фронта маленькие треугольники из грубой бумаги с синим штампом "солдатское бесплатное". Как и во всех семьях фронтовиков, их ждали с нетерпением, читали до хрипоты, хранили пуще хлебных карточек.

"Любимый сын Иль!!

Твое письмо получил, написал очень красиво. Вот так вот хорошо учишься. Слушайся бабушку, тетю Рафику и тетю Суфию.

Весной, когда много талой воды, далеко не ходи. Вернись, вместе будем ходить очень далеко. Хорошо?

Вырастешь, станешь батыром и, как отец, умелым воином - парашютистом.

Тетя Фаузия прислала твою фотографию, я каждый день вынимаю ее и всматриваюсь в тебя. Пришлите фотографию мамы и остальных родных.

Пиши мне постоянно. И адрес сам пиши. Научись хорошо читать и писать по-татарски. Кто родного языка не знает, тот ни одного языка хорошо не изучит.

До свидания, соскучился, отец".

Это письмо датировано 12 марта 1942 года. Оно писалось, очевидно, перед уходом на задание. На особо важное задание, из которого Рахиму Саттарову не суждено было вернуться.

Стоит ли говорить о военной профессии десантника. Судьба его слишком трудна, и слишком очевиден риск. Чуть оторвался от крыла, и уже подстерегает смерть. Самое страшное - если пуля найдет тебя в воздухе. В воздухе ты беспомощен. Скорее бы земля! На земле можно драться. А земля приближается медленно, земля ошетиливается навстречу безжалостными всплесками огня.

Так, наверное, было и в тот раз. Добавьте к трудностям весеннюю распутицу. Непролазная грязь. Разбитые дороги. Не пробьешься к лесу. Орудия, если их сбросили, приходилось тащить на руках. Боеприпасы тоже. И еще отбиваться от наседающего врага.

Что дальше?

У Иля Саттарова хранится то последнее письмо отца. Больше писем не было. Имя Рахима Саттарова не было вычеркнуто из списка живых, но оно попало в списки пропавших без вести.

А он продолжал бороться. Его крутая тропа над пропастью легла.

К ШТЫКУ ПРИРАВНЯТЬ ПЕРО.

Радам, Крушино, Вустрау. Для непосвященного человека эти названия едва ли о чем говорят. Два небольших местечка в Польше, одно - близ Берлина. Здесь в годы Отечественной войны располагались фашистские лагеря.

Это были особые лагеря. Военнопленным разрешалось петь песни и устраивать нечто вроде вечеров самодеятельности, не говоря уж о том, что и харчи здесь были получше, и режим посвободнее.

В конце 1942 года сюда стали прибывать все новые и новые партии пленных “восточного” происхождения.

- Дорогие братья, дорогие соотечественники! - встречали вновь прибывающих пронемецкие говоруны из числа белоэмигрантов. - Великая немецкая армия одерживает одну победу за другой. Она стремительно движется на восток. Великая немецкая армия уже на Волге. На Волге! Она освобождает от большевиков исконные земли наших отцов и дедов, неся с собой свободу и счастье.

- Знаем мы, чего она несет, - огрызнулся кто-то негромко.

- Не верите? - спросил один из фашистских прихвостней.

- Тогда посмотрите, как хорошо живется на освобожденных от большевиков территориях.

Он вытащил ярко размалеванные глянцевые картинки. На картинках изображалась аккуратная усадьба, красивый дом с резными наличниками. Зеленый дворик с цветочными клумбами и песочными дорожками. В хлеве - корова, овца, куры.

- Видите, я не обманываю вас, - продолжал оратор. - Жизнь на родине нормализуется. Открываются магазины, лавки. Власть дает каждому желающему право на частную торговлю...

- Здорово расписывают, сволочи, - негромко бросил тот же голос, - красок не жалеют. Наверное, солидную мзду получают за краски.

- Неужели и вам не хочется жить богато?! - продолжал оратор. - Иметь свою землю, крепкое хозяйство, скотину...

- Купить хочет, скотина, - прошептал Абдулла Алиш.

- Обожди, - толкнул его Рахим Саттар, - надо разобраться что к чему...

- Дорогие братья, дорогие соотечественники! - Звенел, надрываясь, голос оратора. - Вступайте в легион, берите оружие, освобождайте родину от большевиков!

- Да будет вам благословение аллаха! - прокричал мулла.

- Ах, вот оно что! Не выйдет!

- Подумайте, братья! Вся ваша прежняя жизнь у большевиков была ошибкой. Великий фюрер дает вам возможность искупить вину и исправить ошибку. Подумайте, братья! Выбирайте один раз, - закончил оратор, - не будьте глупцами, если вы не хотите вернуться туда, откуда вас привезли!

- Ишь ты, пугать вздумал! А мы уж пуганые.

- Пошли, Абдулла, - сказал Рахим Алишу. - Надо обмозговать что к чему.

Они вышли из рядов и, тихо переговариваясь, направились к бараку.

- Итак, если верить этому говоруну, дела у Гитлера идут блестяще. Осталось перешагнуть за Волгу, а там и хлеб его, и нефть его, и конец России.

Если верить, - задумчиво ответил Алиш, а если не верить? Слух прошел - захлебнулся немец у Волги. Слышал?

- Да, слышал. А если так, то понятно, почему они с нами, как няньки. Наши руки вдруг им понадобились.

- Теперь им нужны "добровольцы". Видишь, сколько пригнали татар, марийцев, удмуртов, башкир, - озабоченно сказал Рахим. - Легион не легион, а на несколько батальонов хватит.

- А что же нам делать? - спросил Абдулла. - Вступать или не вступать в легион? Как и где теперь бороться? Как?

- Обсудить надо, - ответил Рахим. - Один ум хорошо, а несколько лучше.

... Да, им было что обсудить. Знающие люди говорили, что Гитлер захлебнулся у Волги. Мало, что захлебнулся. Здесь, у Волги, жернова военной машины перемалывали отборнейшие фашистские дивизии. Эхо пошатнувшейся мощи вермахта пронеслось по всей Европе, всколыхнув ряды борцов Сопротивления. И это только начало.

Вермахту надо было чем-то закрывать брешь. В Германии объявлена тотальная мобилизация. Не хватило. Тогда-то гитлеровское командование и вытащило на свет

пресловутую доктрину Теодора Оберлиндера о создании “добровольческих” частей из числа советских военнопленных нерусской национальности. Срочно был организован “Комитет освобождения”, где нашлась работа и для недобитых белогвардейских генералов и для буржуазных националистических белоэмигрантов, в том числе и для турецкого подданного, татарского белоэмигранта, в прошлом оренбургского торговца Шафи Алмаза, которого гитлеровцы пророчили в президенты будущего поволжского государства “Идель - Урал”. Командующим “особых восточных войск” был назначен “специалист по русскому вопросу” генерал Эрнст фон Кестринг. В эти войска и должен был войти легион из татар, башкир, чувашей и марийцев.

Очевидно, в один из осенних дней в Радоме или Вустрау и произошла встреча Рахима Саттара с Шафи Алмазом, “будущим” президентом несуществующего государства “Идель - Урал”. Вместе с адвокатом фон Унгляубе тот приехал сюда со специальной миссией - они комплектовали штат редакции одноименной националистической газетенки. У них были далеко идущие планы - газете предстояло стать белоэмигрантским рупором, разжигающим националистические чувства легионеров, укрепляющим боевой дух “восточных частей”.

Шафи Алмаз был, наверное, уже знаком с карточкой военнопленного Р.Саттара, но он никогда не упускал возможности “поговорить по душам” с соотечественником. Всегда был приветлив, ласков, даже чересчур ласков.

Как тебя зовут, земляк?

Рахим вышел из шеренги:

- Военнопленный Саттаров.

- Кем ты был до войны?

- Журналистом.

Шафи Алмаз ласково сощурился. Такие люди сейчас были ему очень нужны.

- Хочешь опять работать по специальности?

Рахим Саттаров промолчал. Он еще ничего не знал о газете "Идель - Урал".

- Да, мы будем издавать свою газету на родном языке, - продолжал Шафи Алмаз. - Это будет хорошая газета. Кроме того, ты будешь жить в Берлине, в теплой квартире, получать большое жалование.

Рахим уже не слышал вкрадчивый голос "президента". Он лихорадочно соображал: Что дает ему неожиданное предложение Алмаза? Прежде всего свободу перемещения. Чтобы писать статьи, нужно бывать в лагерях, встречаться с людьми. Как важно это сейчас. Нет, такую возможность упускать нельзя.

- Ну, как? Ты согласен? - вывел его из раздумья голос Алмаза.

- Согласен, - быстро ответил Саттаров.

Через много лет до нас дошло одно из последних писем Абдуллы Алиша. Он упоминает, что в лагере под Берлином встретил старых знакомых - поэтов Мусу Джалиля и Рахима Саттара.

По свидетельству ряда бывших советских военнопленных, именно в Вустрау было положено начало подпольной организации Джалиля и намечен план действий. Когда тактика бойкота не дала желаемых результатов, на узком тайном совещании был поставлен на голосование вопрос? Идти или не идти в легион. Было решено: идти. Нет сомнения, что Саттар и Алиш, если и не были на совещании, то знали о его решении.

Через несколько дней Саттарова отправили в Берлин. Здесь кроме Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша, он обрел новых надежных друзей по подполью - А.Симаева, Ф.Булатова, Г.Шабаева. Их пока было мало, но они верили, что их будет много. Может быть, в тесном кругу друзей первые прозвучали и клятвы, которую потом должны были

давать все военнопленные, вступающие на путь подпольной борьбы.

Если потребуется отдать жизнь для блага Родины, клянусь, что без колебания отдам ее.

- Клянусь, если попаду в руки палачей, несмотря ни на какие страдания, я не выдам друзей!

- Если я нарушу эту клятву, считайте меня врагом Родины, лакеем фашистов!”

И был только один путь в жизни - верность Родине: “О Родина, я - капля твоей боли”; и одна дорога борьбы: legionеры должны получить оружие. Чтобы затем повернуть его против фашистов. Они познали все ужасы фашистских лагерей. Им не надо было объяснять, что ждет их в случае провала... Пока у них на вооружении было лишь слово. Да, но слово разит не хуже, чем пуля.

- Шафи Алмаз - коварный и хитрый враг, но и его можно перехитрить. Надо перехитрить! Надо вырвать жало у их газетки.

- Но как?

Как? - переспросил Муса Джалиль. - Писать статьи на общие темы эзоповским языком... Путать в переводах...

- Пожалуй, этого мало, - вступил в разговор Рахим Саттар. - Алмаз требует, чтобы своими статьями мы поднимали боевой дух legionеров. Мы должны это сделать.

- Слово “должны” он произнес с особой интонацией. — Мы должны поднять боевой дух советских людей, оказавшихся в неволе. Пусть за каждой строкой они находят нашу поддержку, почувствуют нашу боль за многострадальную Родину.

- Наладим печатание листовок, - продолжал Муса Джалиль. - На первых порах - на машинке, но дальше на стеклографии.

- У нас можно свободно записывать сводки Совинформбюро, - сказал Ахмет Симаев, сотрудничающий в

отделе радиопропаганды. - Их можно распространять среди верных людей...

Шафи Алмаз, конечно, присматривался к Рахиму Саттару. Но едва ли он мог быть им недоволен, сколько терпения и усердия тот проявлял. Каждую заметку буквально "обсасывал, причесывал, приглаживал". Заметки получались аккуратные. Но не было в них ни одного живого слова. Какое мужество надо, чтобы для газеты писать одно, а одновременно для стихов находить другие слова. Слова, в которых нет ни одной мертвой буквы.

**Мой край - следы по ласковой росе,
Далеко, так что кажется как небыль:
Мать на крыльце, над рощей полумесяц,
И песня, осторожнее крыла,
Туман в низинах плотно завесил -
И ночь, как седина, светла...**

Слова, которые не тронули бы разве только черствого чужого человека.

Вот где пригодилась та "свобода перемещения", о которой подумал Рахим Саттар при первой беседе с Ш.Алмазом. Менее чем за полгода подпольщики создали крепкую и довольно большую организацию, имеющую группы в нескольких лагерях. Свободно разъезжая для сбора информации, они искали нужных людей, распространяли среди легионеров сводки Совинформбюро и листовки на русском, татарском, польском языках. Саттаров носил немецкую форму, перекочевавшую в татарский легион из боснийской эсэсовской дивизии мусульман, сформированной где-то в Югославии. Как доверенное лицо у немцев, он часто бывал в пункте формирования национального легиона в местечке Едлино, свободно ходил по баракам, открыто беседовал с легионерами, делал заметки в блокноте. Так осуществлял он связь с членами группы.

Муштра, муштра, муштра... День у легионеров начинался со строевой ходьбы. Строевой ходьбой день кончался. Но даже под “всевидящим оком” немецких офицеров, Рахим умудрялся брать “интервью”, и чересчур заботливая опека была, казалось, ему на руку.

Гораздо труднее было переносить обвинения:

Фашистский подпевала... Продажная сволочь!

Как камень, брошенный в спину. А откроешься не каждому. Как хотелось сказать:

- Товарищ, листовка, которую ты только что читал, написана мной.

Итак каждый день. Жизнь, как крутая тропа над пропастью. Один неосторожный шаг - и оборвется...

ДОНОС

С каждым днем подпольная организация “IV комитета Освобождения”, впоследствии названная “Патриотом”, становилась крепче. Главные нити держали в руках М.Джалиль, Р.Саттар, Г.Курмаш, А.Алиш, А.Симаев...

Подпольщики объединялись в группы по 3-4 человека, от них требовали соблюдения конспирации и строгой дисциплины.

Рушад Хисамутдинов однажды решил бежать из лагеря.

- В одиночку бежать опасаясь, нужен друг. Беглецу придется идти через лес. Так можно добраться до партизан.

Предложил Гайнану идти с ним. Гайнан ответил:

- Не спеши! “Пока кормят, надо отдохнуть!”

Вскоре Гайнан Курмаш и Р.Хисамутдинов поехали в Берлин за газетами. Возвратившись, Гайнан сказал:

- Я говорил о побеге Мусе, он очень рассердился. Муса говорит: в одиночку бежать легко, но нам нельзя исчезать по одиночке, мы должны увести весь легион. Наша задача - это не только личное освобождение.

“Патриот” установил тесную связь с другими подпольными организациями советских военнопленных и польскими партизанами. По свидетельству Ю.Королькова, помог в этом Р.Саттаров. Ему удалось встретиться с одним из членов “Искры”, а уж через него была установлена связь с берлинским центром. Надо сказать, что сам факт существования подпольного центра в Берлине произвел огромное впечатление на соратников Мусы Джалиля, на связных, на особо доверенных легионеров. Люди ждут не дождутся, когда пойдут на Восточный фронт, чтобы связаться с партизанами. Стоило теперь большого труда удержать легионеров от преждевременного восстания.

Наконец-то настал этот день. Первый батальон татарского легиона отправлялся на Восточный фронт. Поезд тронулся под звуки духового оркестра. Фон Кестринг торжествовал победу. Шафи Алмаз ждал обещанного вознаграждения.

В марте 1943 года в районе Витебска, разоружив конвойных, перебив немецких офицеров, несколько сот легионеров ушли к партизанам в бригаду М.Ф.Бирюлина. Вооружение бригады увеличилось более чем на тысячу винтовок, автоматов, пистолетов, на несколько орудий и пулеметов. Добавьте к этому 26 подвод с боеприпасами и военным имуществом. Тщательно продуманная карательная экспедиция гитлеровцев против витебских партизан провалилась.

Вскоре об этом стало известно подпольщикам.

- Молодцы! - радовался Муса. - Срочно нужно выпустить листовки, рассказать об этом легионерам. Пусть следуют примеру товарищей. Пусть все повернут оружие против фашистов. Они знали, что на Восточный фронт в ближайшие дни должен был отправиться второй батальон. За ним еще два.

- Листовку мы выпустим. Завтра же, - ответил Рахим Саттар. - Я сейчас думаю о другом. Нам нужна связь с

Большой землей. Мы должны предупредить Москву о существовании нашего “Патриота”, должны согласовать действия, получить задания. Предупредить, наконец, об отправке на фронт следующих батальонов. Рахим уже несколько раз говорил Мусе об этом, настаивал послать его: он сумеет дойти и вернуться обратно. Теперь и Муса понимал, что связь с Большой землей нужна сейчас, как никогда раньше.

- Пожалуй, ты прав. Надо подумать, как осуществить побег.

- А если через лесника? - Рахим имел в виду старика - поляка, живущего недалеко от лагеря Едлино (Радом). Именно он помог подпольщикам связаться с польскими партизанами.

- Надо подумать, - повторил Муса.

- Нельзя долго думать, - горячился Рахим. - Опоздание может погубить. Нам многого не надо - харчи, карта, компас.

- И харчи, и компас, и карту достать нетрудно. Труднее перебросить тебя в лагерь под благовидным предлогом, не вызвав подозрений у шефов.

Ни Муса, ни Рахим еще не подозревали, как всполошилось гестапо, получив сообщение о переходе татарского батальона на сторону партизан. Конечно, гестапо и раньше могло кое о чем догадываться. В их руки попало несколько листовок, подписанных “Патриотом”:

“Товарищи красноармейцы! Под страхом голодной смерти, обманном путем фашисты принуждают нас вступать в легионы, батальоны, чтобы идти против отцов, матерей, братьев и сестер. Поверните оружие против врагов...”

А строевые песни, с удовольствием распеваемые легионерами, нет ли и там этого призыва. Внушало недоверие и то обстоятельство, что пропагандисты культвзвода стали охотно и много говорить о победах

немецких войск на Восточном фронте, хотя еще месяц назад бормотали об этом скороговоркой. Слишком очевидной стала покорность легионеров, недавно этой покорности приходилось добиваться палкой. Но покорность может быть вызвана страхом. А подстрекателей - единицы. Теперь дело оборачивалось другой стороной. По всем лагерям гестапо разбросало "подсадных уток", в Едлино под видом фельдфебеля появился матерый разведчик доктор Блок.

Адвокат фон Унгляубе уже не раз выражал Шафи Алмазу недовольство газетой. Обращал внимание на участвовавшие грубые описки, на путаные статьи, на заметки, в которых содержался слишком явный намек сохранить верность Родине, до конца выполнить священный долг солдата.

- У вас что, господин Алмаз, нет ни ушей, ни глаз. Если так, мы вам поможем. Мы научим вас слышать, мы научим вас видеть. - Унгляубе помолчал, потом добавил едко: - Я слышал у вас часто болит голова. Может быть, по этой причине вы совсем не читаете газету! Вы поняли меня, господин президент?

Шафи Алмаз позеленел от злости. Шеф намекал на то, что он спекулировал шнапсом, пьянствовал. Ему оставалось только проглотить горькую пилюлю.

Шафи Алмаз тоже начал сопоставлять факты. Уж не случилось ли он и в самом деле видеть и слышать. "Так, значит, в ноябре сорок второго мы побывали с Унгляубе в Вустрау. Отобрали четверых военнопленных... Проверили... Профессиональная пригодность для работы в лагере не была установлена... Кроме того, что все раньше с вами имели дело... Решили проверить..."

Итак, проверить. Шафи Алмаз вспомнил, что он однажды всем сотрудникам редакции написал заявление с обращением к бойцам Красной Армии татарской национальности переходить на сторону немцев. Что ему ответил Саттаров? Да, от предложения отказался

категорически, причем заявил об этом от имени всех. Собственно, тогда у Алмаза и не было специального задания на листовку, да и отказу не придавал особого значения. А сейчас?!

“В марте этого года большевики обратились с призывом к бойцам Красной Армии татарской национальности которые попали в плен к немцам, защищать Родину, которая названа Отечеством. В этом призыве упоминались стихи национального татарского поэта Тукая, в которых он воспевал единство русских и татар и общность их судеб. Именно в это время Саттаров написал статью для “Идель - Урал”, в которой выражал точно ту же идею и сохранил буквально это стихотворение. Я отклонил статью, и она не появилась...”

Ручка Шафи Алмаза уже давно бегала по листку бумаги. Какой же он болван, старый болван... Разучился видеть и слышать.

“Господин Саттаров с одним сотрудником написал статью о Казани, в которой подчеркнул грандиозное развитие города в период большевистского режима... (некоторые аргументы были также упомянуты в вышесказанном призыве большевиков). Эта статья появилась в газете с основательными изменениями. После этих случаев мы считали своим долгом очень внимательно относиться к работе Саттарова...”

Факты, факты... Не слишком ли их много. “...Считали своим долгом... внимательно относиться к работе...”. “А как же тогда я проглядел Саттарова, давал возможность выражать свои взгляды через газету...”

“В газете появился один исторический рассказ, написанный Саттаровым, “Кто виноват?”, в котором он в завуалированной форме развивал идеи классовой борьбы”.

Шафи Алмаз перевел дух. Сколько полезного для своих хозяев он хотел сделать, все начинания летели прахом, порой встречали открытое сопротивление со стороны

Саттарова. Нет, гестапо не простит подобной близорукости Шафи Алмазу. Шафи Алмаз не простит Саттарову, который ласковым обхождением и, казалось бы, примерным поведением обхитрил его.

“Все эти случаи, а также проведенные с ним различные беседы убеждают нас, что Саттаров непригоден для занимаемой им должности, и по своим взглядам является даже вредным человеком. И не только это. Саттаров - человек, который методами большевистской пропаганды... пробуждает веру в лучшее и умеет в замаскированной форме преподнести это в кругу легионеров. Мы убеждены, что Саттаров вреден. Не только сам, он еще берedit душу другим сотрудникам, поэтому и от них мы не можем добиться положительного участия в газете...”

“Так-то, господин Саттаров, у меня были заложены уши, туман самоуспокоения застлал мне глаза. Я был успокоен твоими льстивыми речами. Хватит”.

“Дальнейшее пребывание Саттарова может привести к тому, что политический уровень газеты полностью ухудшится, то есть в лучшем случае газета станет бесполезной и, как другие формы пропаганды, окажется несостоятельной. Именно этого стремятся достичь большевики...”

Шафи Алмаз аккуратно обтер перо. Сейчас на бумагу упадет последняя капля яда.

“Я слышал, что Саттаров имеет якобы удостоверение о том, что он по заданию перешел служить в немецкую армию...”

И торопится оговориться: “...сам я этого удостоверения не видел”.

“...Тогда подтверждается наше убеждение в том, что Саттаров внедрен к нам большевистским командованием с целью, как можно больше внести вреда и помешать нашей общественной национальной работе”.

Шафи Алмаз протирает еще раз аккуратно перо. Буковка к буковке старательно выводит: “Хайль Гитлер!”. И ставит свою подпись. И дату: 3.5.43. В тот же день он отправил “докладную” зондерфюреру Людерзену.

Между тем группа Саттарова готовится к побегу.

ПОБЕГ

Поезд подошел к Радому ранним утром. Муса и Рахим прямо с вокзала отправились в лагерь. Пыльная дорога шла через сосновый бор. Муса и Рахим шагали, с удовольствием вдыхая свежий воздух, настоящий на травах и сосновой хвое. Вот такие же леса на Волге, такая же сухая пыль на дорогах. Травы. Птицы в чаще. Все, как там... Муса предложил:

- Перекур! - Они уселись под тенью высокой сосны.

- Ты чего такой радостный? - спросил Муса.

- Рад, что вырвался из ада!

- Ты подожди загадывать.

- Я не про то. Рад, что вырвался из лап Шафи Алмаза. Невыносим стал, придирчив. Каждое предложение, мной написанное, начал проверять лично.

- Пожалуй, это неспроста, - задумался Муса. - Слежки за тобой не было, не заметил?

- Нет, слежки не было, хотя в общем-то и без присмотра не оставался. В легион уехал спокойно, препятствий не чинили. Алмаз даже обрадовался.

- Этот гад когда-нибудь свое сполна получит. Вопрос: когда? Главное сейчас для нас - выиграть время. Немцы переменили тактику, куда девалась их обходительность. Я чувствую себя в цепких когтях германского орла.

- Все мы чувствуем то же самое. В объятиях хищника не мудрено и задохнуться. Восстание дальше откладывать нельзя.

- Восстание назначаем примерно через месяц. Разработаем детально план: как снять охрану, завладеть складами с оружием, уйти в леса. Нам очень нужна будет поддержка Большой земли. Очень. Вот почему мы будем с нетерпением ждать весточки от тебя, Рахим. В берлинском центре тоже на тебя рассчитывают. Они посылали на Большую землю несколько групп, и ни одна не вернулась.

- Постараемся.

- Были бы крылья, улетел бы на Родину. Изболелась душа, - грустно сказал Муса. - Завидую тебе, Рахим, через полмесяца, через месяц ты будешь на Родине.

- Понимаю твою боль, - ответил Рахим. - Недолго и вам останется ждать. Бежит враг, драпает с нашей земли. Ударим ему с тыла.

- Передай привет всем нашим родным, - взволнованно спросил Муса. - Скажи: мы не пропали без вести, мы живы, мы боремся и не встанем на колени перед врагом. Никогда!

Помолчали. Меж сосен струился солнечный воздух. Пахло травами и хвоей. Было светло, тихо, спокойно. Не верилось, что каждую минуту жизнь может оборваться.

- Отдохнули, пора и честь знать, - сказал весело Муса. Через полчаса они были в лагере.

- С Мусой из Берлина приехал один человек, татарин, в форме немецкого офицера, - вспоминает Рушад Хисамутдинов. - Вскоре незнакомец этот бежал с четырьмя товарищами. Одним из четверых был радист Омаров, член подпольной организации. Двое бежавших были шоферы. Подробностей этого побега я не знал".

Нетрудно догадаться, что незнакомец - Саттаров. Разведчикам, уходящим в дальний поиск, не полагалось брать с собой ни документов, ни писем родных. Пятеро бежали с собой карту, компас, минимальный запас сухарей.

Рахим отдал Алишу тоненькую рукописную тетрадочку с надписью: "Подвернется оказия - передай родным".

Пятерых увел старый поляк, поддерживающий связь с партизанами. Через день он вернулся.

“... через несколько дней во время тайного совещания, на котором присутствовало всего лишь четыре человека, - продолжает Рушад Хисамутдинов, - Муса намекнул нам, с какой целью совершен этот побег. Джалиль сообщил, что связь с партизанами и Советской Армией будет налажена. - Ждите команды, - сказал Джалиль”.

Возможно, Джалиль предполагал, что по времени группа бежавших уже должна добраться до Большой земли, вот-вот подать условный сигнал. Но сигнала не было. Возможно, Джалиль не знал и того, что старик - поляк вскоре после возвращения был взят гестапо и расстрелян.

Так Рахим Саттаров во второй раз пропал без вести. Судьба связных “Патриота” до сих пор неизвестна.

Но их трудный подвиг, их мужественная борьба против фашизма, с каждодневным риском для жизни, не были напрасными. Уже после провала подпольной организации немцы решили отправить на Восточный фронт четвертый батальон. В Западной Украине легионеры начали перебегать к партизанам. Гитлеровцы срочно перебросили остатки батальона во Францию на дорожные работы. Туда же был направлен и третий батальон. Но и во Франции легионеры “снимали” караульных и уходили в леса, пополняя ряды Сопротивления.

СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ

Время возвращает матери - Родине имена ее отважных сыновей - безымянных героев или пропавших без вести, как возвратило нам имя Рахима Саттарова. О его боевом пути мы еще многого не знаем. Все его друзья - соратники по подполью, члены Берлинского комитета и сотрудники газеты “Идель - Урал” погибли в застенках гестапо. Некому рассказать. Лишь недавно найденный в архивах донос Шафи

Алмаза дал нам новые данные о подвиге Рахима Саттара. Враг недаром назвал Саттара большевиком.

Более счастливой, чем у самого поэта, оказалась судьба его стихов. Помните, перед тем как уйти в дальний путь, он передал тоненькую книжечку, исписанную латинской вязью, своему другу Абдулле Алишу. Стихи, пройдя через многие руки, вернулись на Родину. Стихи, как письма, донесли до нас дыхание поэта, его тоску и боль, когда без Родины и "хлеб отравлен и горька вода".

Мы знаем, что весной 1942 года младший сержант Рахим Саттар с десантом был заброшен в тыл врага. Сражением неравным был, очевидно, последний бой. Что дальше?...

Он дрался. Он на землю пал.
Как будто к сердцу Родины припал.
И кровь стекала. И закат был ал -
Далекий дом, родимый край пылал.
Враг взял в беспамятстве его.
Когда лишь только рассвело,
Пленил...

И так в дневнике, короткая строчка: "Смоленск - Берисов - Вустрау - Радом - Берлин. 1942 - 1943". Путь, который он прошел через издевательства и пытки, не склеив головы.

Отец, я был совсем без сил,
Но у врага пощады не просил.
На раны сыпали мне соль,
Но не ответил ни одной слезой.
Под ногти загоняли мне иглу,
Но я молчал...
Ни стоны, я не лгу...

Всех их мучила одна мысль. Они остались верными Родине, они не преклонили колен перед врагом, они боролись. Неужели Родина так и не узнает об этом, так и будет считать их предателями.

Хлеб мой отравлен и горька вода.
Стучат приклады. Полдень. Зарешечен.
Но ты не верь, родная, никогда
Тому, кто с черной вестью
В твой дом войти захочет,
Чтоб пеплом лечь на седину твою
Позором сына...
Ты не верь той вести,
Есть песня правды - я ее пою,
И грудь полна священной мести.
Врагу продаться?
Нет. Уста немые,
Он кровь возьмет, но не добьется слова.
Я вижу край, что солнышком омыт,
Вдыхаю дым отеческого крова.
Твое дыхание ночью сторожит
Мой сон.

Шаги, шаги за дверью.
Я б даже часа не посмел прожить
Без Родины и твоего доверия.
Мой хлеб отравлен и горька вода.
Стучат приклады.
Полночь у порога.
Ты знай, хотя ночь черна,
Моя светла дорога.

И опять короткие дневниковые строчки. К сыну:

“Переписать не сумел.

Я невиновен.

И ты будь таким.

Одна дорога.

Один путь.

Другого пути нет”.

Он очень любил Родину. Высокий свет солнца. Белый перезвон берез. Пьянящий запах созревающих хлебов.

Как чист был ясный мир,

Светла кора березы!

Я помню этот миг,
Как свет зари был розов.
Я песню затянул -
И сам услышал,
Как, облетев аул,
Мой голос синь колышет.
Но оборвался звук,
И замер голос.
В той выси точно вдруг
И солнце расколось...
Война.
Оборванная песнь -
То жизнь моя на взлете.
Я отдал все, что есть,
А песню допоете.

Вспомни, товарищ, на войне, если прерывалась связь и
связной, другие доставляли приказ. Может быть, и
верные фронтовой дружбе, другие доскажут то, что
досказать Рахим Саттар. Может быть, кто-то, взяв в
эту газету, прочтет имя товарища, взглядевшись в лицо
на фотокарточке, узнает своего однополчанина. А узнав,
нам. Пусть это будет лишь эпизод, фронтовая
хроника событий, в которых ему довелось
участвовать с Рахимом Саттаром. Нам дорога даже самая
память о нем.

*Борис Марихин. Стихи Рахима Саттара
перевод с татарского Рустем Кутуй. Газета
"Симбирская Татария"- 7, 8, 10, 11 января 1969 г.*

НЕ СКЛОНЯЯ ГОЛОВЫ

Рассказ о соратнике Мусы Джалиля

Широко известен подвиг татарского поэта - героя Мусы Джалиля. Рядом с ним против бесчеловечной машины гитлеровского рейха боролись и отдали свои жизни многие советские патриоты. Одним из сподвижников Джалиля был татарский поэт Рахим Саттаров. О нем и рассказывает писатель Рафаэль Мустафин.

Те, кто был в пункте формирования национального легиона в местечке Едлино в Польше, видели этого высокого черноволосого человека в форме немецкого унтер - офицера. Он прибыл сюда из Берлина летом 1943 года. Говорили, что он - корреспондент издаваемой фашистами газеты на татарском языке "Идель - Урал". Через несколько дней "корреспондент" исчез из лагеря. С ним бежала группа легионеров. Подпольная организация, которой руководил Муса Джалиль, снабдила их оружием, компасом, картами и подложными немецкими документами.

Беглецы должны были пройти всю Польшу и оккупированную Белоруссию, перейти линию фронта и предупредить советское командование о восстании, готовившемся в легионе "Идель - Урал". Возглавлял группу смелый, решительный человек. Это был журналист, молодой татарский поэт Рахим Саттаров.

До войны он работал в молодежной газете Татарии, участвовал в финской кампании, начал писать стихи. Когда грянула Великая Отечественная война, Саттаров пошел на фронт добровольцем. Он стал бойцом десантных войск, участвовал во многих боевых операциях. Но в июне 1942 года, при высадке в тылу врага, был захвачен в плен. В плену Рахим Саттаров не пал духом. Как и Муса Джалиль, он боролся. Блокнот со стихами он оставил Абдулле Алишу.

Алиш вскоре был арестован, успев, однако, позаботиться о стихах друга. И вот, пройдя через десятки рук, они попали на Родину. С волнением перелистываю я пожелтевшие страницы. Блокнот обрывается торопливой записью:

“Не успел переписать все. Остаюсь верен Родине. И ты будь таким. Путь один. Иного пути нет. Мама, Иль, Алсу, ~~дети~~” (Иль и Алсу - дети Рахима Саттарова. Они сейчас живут и работают в Казани. - Р.М.).

Блокнот Рахима Саттарова позволил нам не только представить его путь по лагерям для военнопленных под Омненским, Борисовым, Берлином. Мы услышали его живой голос, увидели, как зрела в его душе ненависть к врагу, как воплотилась она в страстную песнь борьбы.

На каменных блока ОСТ, в неволе,
Под дождями рабства, не в бою
Я негромко, почернев от боли,
Эту клятву Родине даю:
Мы разрушим этот ад, разрушим!

(Перевод Р. Солнцева)

Глядя на пылающий Восток, где остались его мать, ~~родные~~, односельчане, Саттаров мечтает только об одном, ~~скорее~~ прогнать варваров с родной земли, чтобы приблизить час победы. Ради этого он готов вызвать огонь на себя.

Бей по врагам, земля моя!
По мне, по мне!
По мне, снарядов не жалей!
По тюрьмам бей!
— Я все равно шепну: “Люблю”
Москве моей.

(Перевод Р. Солнцева)

Р. Саттаров вынашивает планы побега, планы борьбы. ~~Только~~ это помогает ему переносить невероятные тяготы и ~~жестокую~~ лагерной жизни.

Я горд, я не склоню головы
Перед врагом. Дышу свободно.

Как стены тяжелы. Оковы тяжелы!
Но волен дух,
Как свет, входящий в окна.

(Перевод Р.Кутуя)

Есть предположение, что в подготовительном лагере Вустрау под Берлином Рахим Саттаров встретился с Мусой Джалилем, Абдуллой Алишем, Ахметом Симаевым и другими татарскими военнопленными, составившими впоследствии ядро подпольной организации. Вероятно отсюда берет начало их организованная конспиративная борьба - не дать возможности гитлеровцам использовать военнопленных в боях против Советской Родины.

В начале 1942 года, после ряда сокрушительных ударов Советской Армии, гитлеровское командование приняло решение о создании национальных легионов из военнопленных различных национальностей. Началось формирование и легиона "Идель - Урал". Свое название легион получил по имени мифического государства Идель - Урал (Идель по-татарски Волга), которое гитлеровцы обещали создать после победы.

Легионеры подвергались усиленной националистической обработке. Для них начала издаваться специальная газета на татарском языке. Организовал ее одновременно являясь "президентом" несуществующего государства Идель - Урал, бывший оренбургский торговец турецкий подданный Шафи Алмаз.

Подпольщики вначале бойкотировали легион, вели пропаганду против вступления в него. Но когда гитлеровцам все же удалось сколотить два первых батальона и подготовить их к отправке на Восточный фронт, Муса Джалиль и его товарищи решили взорвать легион изнутри. Они пошли работать в редакцию газеты. Муса Джалиль согласился вести культурно-просветительскую работу среди легионеров, что давало ему возможность беспрепятственно

сидеть из лагеря в лагерь, устанавливать конспиративные связи, подбирать новых людей для организации.

Первая задача, которую поставил Муса Джалиль перед своими товарищами, - обеспечить печатание подпольных антифашистских листовок. Скоро среди легионеров стали распространять листовки на татарском и русском языках с призывом повернуть оружие против фашистов. Вторая задача была - всячески саботировать работу редакции: поддерживать антисоветские статьи, заполнять газету пропагандистскими материалами и очерками общеобразовательного характера.

Мы многого еще не знаем о размахе и содержании подпольной работы этой группы в редакции газеты, так как вся берлинская группа подпольщиков была арестована и выслана. Но совсем недавно в наших руках оказался документ, явно не предназначенный для печати. Это документ "президента" Шафи Алмаза зондерфюреру Дюнкеру о том, что лица из числа бывших заключенных, привлеченные к работе в газете "Идель - Урал", вместо "борьбы с большевизмом" протаскивали в печать "большевистские статьи и материалы".

Уже более трех месяцев работают они в газете, - пишет Алмаз, - но до сих пор не написали ни одной пропагандистской статьи против большевизма. Вся их работа ограничивается тем, что они переписывают биографии знаменитых личностей татарского народа, стихи известных поэтов и переводят мелкие, незначительные сообщения из русских газет. Наши старания включить их в активную работу и побудить написать антибольшевистские статьи не имели успеха и встречали даже открытое сопротивление".

Тогда еще Шафи Алмаз ничего не знал о конспиративной деятельности подпольщиков (документ датирован 3 мая 1943 года), но он подозревал, что между большевистскими листовками, которые каким-то

непонятным образом распространялись среди военнопленных татар, и деятельностью этих лиц в газете существует определенная связь.

“Это сопротивление, - продолжал фашистский прихвостень, - происходит от легионера Саттарова, который стремится повернуть газету так, чтобы она, если не выражала пробольшевистские настроения, то хотя бы не наносила вреда большевизму”.

Ш.Алмаз приходит к выводу, что “Саттаров внедрен большевистским командованием преднамеренно, с целью как можно больше нанести вреда и помешать нашей общенациональной работе”.

Трудно придумать для Саттарова лучшую характеристику, чем та, которую вынужденно дал ему закоределый враг Советской власти, штатный осведомитель гестапо.

Да, Саттаров был большевиком и оставался им всегда даже в самых трудных запутанных ситуациях. Как ни строга была цензура, а Саттаров сумел опубликовать в газете стихи классика татарской литературы Г.Тукая о неразрывной дружбе русских и татар. Он пытался даже опубликовать статью о том, как быстро выросла Казань в годы Советской власти.

В конце донесения говорится: “После событий, которые произошли в первом татарском батальоне, нами предприняты соответствующие меры, чтобы выявлять настроения людей (с помощью тайной организации)”.

“События в первом батальоне” - это самый крупный успех подпольной организации, сорвавший все расчеты гитлеровцев.

В феврале 1943 года фашисты с большой pompой проводили на фронт первый батальон татарского легиона. Но в районе Витебска батальон по заранее разработанному плану поднял восстание, перебил немецких офицеров и почти в полном составе перешел на сторону белорусских партизан. В партизанскую бригаду М.Ф.Бирюлина влилось около 900 боеспособных воинов. Их вооружение составляло

свыше тысячи винтовок, автоматов и пистолетов, около сотни пулеметов, несколько орудий и минометов и 26 подвод с боеприпасами и военным имуществом. Переход батальона явился одной из причин того, что тщательно продуманная карательная экспедиция гитлеровцев против крымских партизан была сорвана.

Теперь фашисты уже не решаются посылать на фронт части татарского легиона. Меняют тактику борьбы и индольщики. Раз части легиона не будут отправлены на фронт, значит надо поднять восстание в месте расположения легиона в польском местечке Едлино и с боями пробиваться навстречу наступающим частям Красной Армии. Но чтобы своевременно предупредить об этом советское командование, надо послать через линию фронта надежных людей. Вот эту группу людей и возглавил Рахим Саттаров.

О дальнейшей судьбе Рахима Саттарова и его товарищей мы до сих пор ничего не знаем. Известно только, что старший лейтенант, взявшийся проводить группу тайными тропами до Варшавы, вскоре после возвращения был арестован гестапо. Видно, все герои погибли а перестрелке или в застенках гестапо.

Рахиму Саттарову не суждено было вернуться на Родину. Но подвиг его не остался неизвестным. Мужественный сподвижник Мусы Джалиля до последнего момента остался верным сыном своей Отчизны.

В одном из своих стихотворений Саттаров писал:

Оборванная песнь -
То жизнь моя на взлете.
Я отдал все, что есть,
А песню - допоете.

(Перевод Р.Кутуя).

Эти слова поэта - борца оказались пророческими.

Рафик Мустафин. Газета "Известия", 5 января 1969 г./

ДОНОС “ПРЕЗИДЕНТА”

Как-то мне позвонил старший следователь Мансур Абдрахманович Аминов:

- Рафаэль Ахметович, загляните ко мне при случае. Я тут раскопал весьма любопытный документ...

И вот передо мной чуть тронутые желтизной листы лощеной бумаги с четко отпечатанным машинописным текстом на немецком языке. В левом верхнем углу - регистрационный номер и гриф “Совершенно секретно”. Листы адресованы зондерфюреру Людерзену. В конце стоит подпись “президента” никогда не существовавшего государства “Идель - Урал” Шафи Алмаза.

Нет никакого сомнения, что это - донос, злобный, грязный. И в то же время эти листы проливают свет на страницы героической борьбы джалильцев с сильным и опасным врагом в самом сердце фашистской Германии.

В январе - феврале 1943 года для работы в редакции “Идель - Урал” руководство Татарского комитета привлекло группу военнопленных, в том числе Рахима Саттарова и Абдуллу Алиша. О них-то и строчит донос Шафи Алмаз. Он “информирует” начальство, что лица эти не оправдали возложенных надежд и вместо “борьбы с большевизмом” протаскивают в газету “пробольшевистские” статьи и материалы.

“Уже более трех месяцев работают они в газете, но до сих пор не написали ни одной пропагандистской статьи против большевизма. Вся их работа ограничивается тем, что они переписывают биографии знаменитых личностей татарского народа, печатают стихи национальных поэтов и переводят маленькие, незначительные сообщения из русских газет. Наши старания включить их в активную работу и побудить написать антибольшевистские статьи не имели успеха и встречали даже открытое сопротивление”.

Шафи Алмаз пока еще ничего не знает о тайной деятельности своих сотрудников (донос написан 3 мая 1943 года). Но он чувствует, что между "большевистскими призывами", которые каким-то непонятным образом распространяются среди военнопленных - татар, и деятельностью этих лиц в газете существует определенная связь.

"Это сопротивление, - продолжает "президент", - исходит от легионера Саттарова, который стремится повернуть газету так, чтобы она, если не выражала пробольшевистские настроения, то хотя бы не нанесла вреда большевизму. Вот несколько примеров, которые выражают его взгляды:

I В марте этого года большевики обратились к бойцам Красной Армии татарской национальности, находящимся в плену у немцев (к сожалению, об этом я прочитал лишь на днях), с призывом защитить Россию, которую они называют общим отечеством.

В этом призыве упоминается стихотворение татарского поэта Тукая, в котором он воспевал единство русских и татар. Именно в это время Саттаров написал статью для газеты "Идель - Урал", где он выразил эту же мысль о единстве русского и татарского народов и близости их интересов и сохранил буквально это стихотворение. Стихотворение мы в переводе прилагаем. Стихотворение Саттарова, как пробольшевистскую по сущности, я отклонил.

II Господин Саттаров с одним сотрудником газеты написал статью о Казани, в которой подчеркнул быстрое развитие города в период большевистского режима и указал даже на заслуги Ленина, который предоставил татарам автономную республику.

Интересно, что подобные аргументы были также в другом призыве большевиков). После этих случаев

мы считали необходимым очень внимательно относиться к работе господина Саттарова.

III. Чтобы проверить настроение работающих в газете легионеров, им предложили написать обращение к бойцам Красной Армии татарской национальности. Но господин Саттаров от имени всех легионеров отклонил это предложение.

IV. В газете появился исторический рассказ Саттарова "Кто виновен?", в котором он в завуалированной форме проводит идеи классовой борьбы.

Все эти случаи, а также проведенные с ним различные беседы убеждают в том, что Саттаров не пригоден для предназначенной ему должности, а по своим взглядам является даже вредным человеком. И не только это. Саттаров - человек, который методами большевистской пропаганды, построенной на лжи и обмане, пробуждает веру в лучшее и умеет в замаскированной форме преподносить это в кругу легионеров и в разговорах с ними.

Дальнейшее пребывание Саттарова в качестве сотрудника редакции может привести к тому, что политический уровень газеты полностью ухудшится, т.е. в лучшем случае газета станет безобидной, оказывать необходимое воздействие не будет и как оружие пропаганды окажется несостоятельной. Именно достигнуть это и является целью большевиков".

Необходимо помнить, что Шафи Алмаз, как главный редактор, старается представить газетные дела в более или менее благоприятном свете. Так, он не упоминает о том, что Рахиму Саттарову удалось поместить в газете анекдот "Временно и свинья может быть зятем". Анекдот этот вызвал переполох среди руководства легиона, так как большинство читателей увидело в нем прозрачный намек на временность "союза" с гитлеровцами. Не пишет Шафи и о том, что Алиш напечатал в газете большую статью о необходимости объединить усилия военнопленных разных национальностей "против общего врага". Читатели без труда

поняли и этот намек. Боясь ответственности, Шафи Алмаз не стал поднимать шума. Но случай этот, конечно, не прошел незамеченным.

Более определенно высказался о газете "Идель - Урал" старшовец Райнер Ольцша: "Газетенка была бледной и вялительной".

Зная, что начальство не похвалит его за развал работы, Шафи Алмаз взваливает вину на новых сотрудников редакции, прежде всего, на Рахима Саттарова, который, по его словам, "внедрен большевистским командованием преднамеренно, с целью как можно больше нанести вреда и помешать нашей общей работе".

После такого доноса Саттарова ожидало одно - арест и расстрел. Удалось ли подпольщикам узнать о доносе? Или они почувствовали, что над головой Рахима сгущаются тучи? Как бы то ни было, Саттаров исчез. Только в последние годы удалось выяснить некоторые подробности.

В мае 1943 года Саттаров по согласованию с заместителем редактора К.Галеевым выехал в Едлино. А вскоре через две пришло известие, что Саттаров бежал на запад.

Бежали группой в пять человек. Подпольщики снабдили их необходимыми документами, оружием, картами, компасом, продовольствием. В группе было два шофера - чтобы в случае необходимости воспользоваться захваченными в пути автомобилями.

Перед группой стояла задача: пересечь линию фронта и информировать советское командование о подпольной антифашистской организации в легионе "Идель - Урал" и ее участии в вооруженном восстании легионеров.

До сих пор ничего не известно о судьбе Саттарова и остальных его группы, кроме того, что старика - поляка, командовавшего беглецов лесами и потайными тропами до Германии, немцы арестовали и расстреляли.

Заместитель редактора газеты "Идель - Урал" Галеев, арестованный советскими войсками, дал следующие показания:

“Осенью 1943 года (точнее не помню) Абдуллу Алиша вызвали к начальнику шестого отделения отдела пропаганды Восточного министерства зондерфюреру Людерзену. От него он не вернулся. Знаю, что Алиш сидел в берлинских тюрьмах, в частности, в Шпандау.

Через несколько дней меня вызвали к Шафи Алмазу. Шефа не было на месте, в его кабинете сидел гестаповец в форме обер-лейтенанта и с ним унтер-офицер - переводчик. Обер показал мне листовки - в четверть листа, отпечатанные на машинке и размноженные на гектографе. Их содержание - призыв к легионерам переходить на сторону Советской Армии и партизан. Обер начал допытываться, кто печатал эти листовки и что я знаю о сотрудниках редакции и комитета. Особенно он расспрашивал меня о Саттарове, спрашивал, поддерживал ли я с ним связь после его отъезда из Берлина. Я ответил, что получил от Саттарова всего одно письмо. Он писал, что задерживается в легионе.

- А еще? - допытывался обер.

- Больше ничего, - ответил я”.

По всей видимости, Саттаров не попал (во всяком случае, живым) в руки врага. Не удалось ему перейти и на сторону советских войск. Скорее всего, группа погибла во время перестрелки с гитлеровцами.

“При отъезде Саттарова в легион, - продолжал Галеев, - мы провожали его вдвоем с Алишем. По настроению Саттарова было видно, что в Берлин он больше не вернется. Потом я слышал, что он бежал с оружием, подговорив четырех других легионеров. Но еще до этого я знал, что Саттаров настроен антифашистски. Так, он хранил какой-то шнур от парашюта и говорил, что это будет его пропуск в Красной Армии”.

Известно, что Саттаров служил в десантных частях. Не это ли имел в виду Шафи Алмаз, говоря, что Саттаров “внедрен большевистским командованием преднамеренно”?

/Рафаэль Мустафин. Книга “По следам поэта - героя”. Казань, 1973 г./

ПОЭЗИЯ В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

Внешне они совсем не походили друг на друга.

Хайрутдин Музай - черноволосый, среднего роста, всегда подтянутый, аккуратный, даже во фронтовой обстановке ухитрявшийся ходить свежесбритым, с белоснежным подворотничком. Это был человек непоказного, спокойного мужества и редкого самообладания. В стычках с басмачами в среднеазиатской пустыне и в боях с японскими самураями у озера Хасан он показал не только личную храбрость, но и умение командовать людьми, не теряться в сложнейшей обстановке. Словом, военная кочка, всю свою жизнь посвятивший Советской Армии и дослужившийся от рядового до командира полка.

Рахим Саттар - высокий, с орлиным носом, крупными чертами, беспокойными горячими глазами. Он отличался высоким нравом, порою даже бесшабашной удалью. Во время службы в кавалерийских частях всегда занимал передовые места на скачках и вольтижировках. Отлично владел саблей, прекрасно ходил на лыжах (в финскую войну в составе лыжного эскадрона совершал многодневные рейды в глубокий тыл противника), прыгал с парашютом, метко стрелял. У него была неуемная жажда знаний, желание все изведать и все испытать самому. Он работал лесничем в лесах Башкирии, шахтером на шахтах Донбасса, рабочим - металлистом на одном из заводов Кавказа, изъездил всю страну от Карелии до Дальнего Востока, был журналистом, комсомольским работником. И все это - в неполные тридцать лет!

Абдулла Алиш - невысокий, широкобровый, в простого сидящим костюме, сугубо штатский, мягкий по

натуре, скромный до застенчивости. Он был человеком исключительной доброты и душевного такта. Прирожденный педагог, он, работая ответственным секретарем детской газеты “Пионер каляме” (“Пионерское перо”), всегда был окружен детьми и умел говорить с ними, как равный с равным.

Самым опытным писателем среди них был, несомненно, Алиш. Он начал писать и регулярно печататься с двадцати лет и к середине тридцатых годов стал широко известным детским писателем. Он писал и стихи, и очерки, и рассказы, и пьесы, но наибольшего успеха достиг в жанре сказок для самых маленьких. Его “Мамины сказки” переиздавали десятки раз и не потеряли своего художественного значения до сих пор. Целые поколения татарской детворы учились на них доброте, честности, любви к Родине, верности данному слову, трудолюбию, уважению к старшим.

Хайрутдин Музай издал до войны всего один сборник стихов - “Люди с винтовками” (1932), целиком посвященный жизни и быту советских воинов. Военная служба, которую он любил и к которой относился с полной ответственностью, отнимала все его время и энергию. Во время Отечественной войны, используя короткие передышки между боями, около года вел дневниковые записи. В них немало наблюдений, тонко подмеченных деталей, глубоких раздумий. Впоследствии, уже после гибели автора, они были изданы отдельной книгой под названием “Летопись войны”.

Рахима Саттара знали до войны, в основном, как журналиста, автора коротких, но содержательных заметок, статей и корреспонденций, печатавшихся в молодежных газетах и журналах. Впоследствии в его архиве были найдены наброски многочисленных стихов, песен, рассказов, но к сожалению, мало что из начатого он успел завершить.

Три судьбы, три характера, три столь разные творческие индивидуальности. Но их объединяет главное - боевой, наступательный характер творчества. Это поэты - воины, поэты ярко выраженного героического начала. В их стихах с особой наглядностью проявился патриотический характер военной лирики, которую с полным основанием называют поэзией в солдатской шинели.

С первых же дней Великой Отечественной войны на фронт ушли три четверти состава татарской писательской организации - практически все, кто мог держать в руках оружие. В их числе был и Алиш. Его призвали вместе с Мусой Джалилем - 13 июля 1941 года. Мусу направили на курсы политработников, а Алиш попал в маршевую роту, которую после короткого обучения двинули навстречу вражеским полчищам, рвавшимся к Москве.

Рахим Саттар, отказавшись от брони, положенной ему как работнику обкома комсомола, добился назначения в десантные части. Участвовал в ответственных операциях, выполняя особые задания командования.

О кадровом военном Хайрутдине Музае и говорить не приходится - вместе со своим полком он с первых же дней войны сдерживал яростный натиск захватчиков. Попадал в самые опаснейшие переплеты, не раз был на волосок от гибели. За годы непрерывных боев часть, которой он командовал, не раз выкарабкалась в приказах командования.

Десятки татарских писателей - более четверти общего числа - отдали жизнь за свободу и независимость Родины. Их имена золотыми буквами выбиты на мраморной доске у входа в клуб писателей им. Г.Тукая. Писатели разделили с народом все трудности и невзгоды, прошли через самые суровые испытания.

Осенью грозного 1941 года во время тяжелых боев в Брянском часте, в составе которого воевал А.Алиш, оказался в окружении. Кончились боеприпасы и продовольствие. Прорваться к своим не удалось...

27 июня 1942 года при неудачной высадке в тылу врага в руки фашистов попал командир подразделения десантников Р.Саттар.

Летом того же года в окружение попала группа советских войск, наступавших в районе Харькова. В кольцо оказался и полк, которым командовал Х.Музай. В одном из яростных боев - уже на второй месяц окружения - контуженный, потерявший сознание Музай был захвачен в плен.

Что может быть горше и невыносимее позора фашистского плена? Кто из военнопленных, обреченных на верную смерть от голода, непосильной работы, болезней, подвергаемой ежедневным побоям и издевательствам, не мечтал, как о несбыточном чуде, о смерти в открытом бою с ненавистным врагом?

В блокноте А.Алиша сохранилась лаконичная запись. "Зиму 1941 года провели в Литве, в лагере Алитус. Там было 17 тысяч военнопленных, из них за зиму перемерло 14 - 15 тысяч...". Такова была суровая проза жизни. А дальше шли стихи:

**Мы и в неволе - все равно в бою,
Что б ни случилось,
Смерть мы встретим смело.
И, жизнь отдав за Родину свою,
Погибнем за ее святое дело.**

("Какою будет смерть?" Перевод Н.Гребнева)

Быть и в неволе - все равно в бою! Этим же святым чувством проникнуты и написанные в лагерях смерти военнопленного Рахима Саттара. Строки Саттара более импульсивны, им еще не хватает литературной отточенности, профессиональной зрелости. Но в них отчетливо бьется сердце солдата, поэта - гражданина, верного сына социалистической Родины:

**На камнях блока ОСТ, в неволе,
Под дождем рабства, не в бою,**

Я негромко, почернев от боли,
Эту клятву Родине даю:
Мы разрушим этот ад, разрушим!
Ненависть моя живет молчком,
Ненависть моя в патроне русского
Дремлет мягким теплым порошком.
Вы еще увидите, арийцы,
Как она вам, подводя итог,
Благодарно каждому в петлицу
Всунет нежный, огненный цветок!...

("Клятва". Перевод Р. Солнцева)

Ненависть к фашистским палачам, верность Отчизне и воинской клятве привели Алиша и Саттара в ряды подпольной антифашистской организации, вдохновителем и одним из организаторов которой был Муса Джалиль.

В нарушение международных конвенций, фашисты начали формировать из советских военнопленных так называемые национальные легионы для борьбы с Советской Россией. По решению подпольной организации Алиш и Саттар идут в редакцию фашистской военной газеты "Идель - Урал", издававшейся в Берлине на татарском языке. Перед ними ставилась задача: срывать публикацию острых антисоветских материалов, сделать газету по возможности скучной и невнятной. Кроме того, работа в редакции открывала дорогу к типографским шрифтам, что давало возможность печатать антифашистские листовки.

В архивах фашистского разведывательного управления сохранился любопытный документ. Это донос "председателя" резервного "правительства" несуществующего государства "Идель - Урал" Абдрахмана Шафи Алмаза редактору Людерзену. В нем сообщается, что лица из числа бывших военнопленных татарской национальности, привлеченные к работе в газете "Идель - Урал", вместо борьбы с большевизмом, протаскивают в газету большевистские статьи и материалы". "Уже более трех

месяцев работают они в газете, но до сих пор не написали ни одной пропагандистской статьи против большевизма... Наши старания включить их в активную работу и побудить написать антибольшевистские статьи не имели успеха и встречали даже открытое сопротивление". В доносе прямо называется имя Рахима Саттара, который, по мнению доносчика, "особо опасен" и возможно "специально внедрен советским командованием".

Нелегко и опасен был труд подпольщиков. Они ставили верных людей во главе подразделений легиона, который гитлеровцы попытались формировать из числа военнопленных татар, постигали науку конспирации. И летели гранаты в фашистские штабы, сотни легионеров, перебив немецких офицеров, переходили к белорусским, украинским и польским партизанам. Они печатали и распространяли листовки и - останавливались станки на военных заводах, горели склады, выходило из строя ценное оборудование врага.

Весной 1943 года решено было устроить побег группы из пяти человек во главе с Р.Саттаром. Подпольщики снабдили их всем необходимым: оружием, продовольствием, картами, компасом, подложными немецкими документами. Они должны были перейти линию фронта, рассказать о подпольной организации и готовящемся вооруженном восстании в лагере Едино. Первый этап пути по территории Польши миновали удачно (об этом рассказал проводник, старик - поляк). Но затем следы группы обрываются, и дальнейшая судьба связных до сих пор не выяснена. Видимо, все они погибли в стычке с гитлеровцами.

Алиша арестовали вместе с Мусой Джалилем, Гайнаном Курмашевым, Фуатом Булатовым и другими подпольщиками. После года заключения в мрачных, сырых казематах Берлина и Дрездена, изматывающих допросов, пыток, комедии суда их казнили в берлинской тюрьме

Пистензее, прозванную “лобным местом Европы”. В архивах штандесамта (учреждения типа загса) округа Шарлоттенбург сохранилось “Свидетельство о смерти” под номером 2968:

“Берлин - Шарлоттенбург”, 26 августа 1944 года. Писатель Абдулла Алишев, проживающий в Казани, улица Берджинского 18/19, скончался 25 августа 1944 года в 12 часов 12 минут... Заявлено и удостоверено: помощник писателя Пауль Дюррхауэр... Заявивший убедился в смерти собственными глазами... Причина смерти: “обесглавлен”.

Музаю не довелось встретиться в плену с Джалилем и его боевыми друзьями. После долгих скитаний из лагеря в лагерь он попадает в Мюнхен, в лагерь для советских военнопленных на Шванзеештрассе. Здесь вместе с другими советскими офицерами он создает широко разветвленную подпольную организацию “БСВ” - “Боевое содружество военнопленных”. Организация устраивала побеги, поддерживала связь с другими лагерями и немецкими антифашистами, вела разъяснительную работу среди людей, незаконно угнанных в Германию. Подпольный комитет печатал и распространял листовки, в которых призывал советских людей устраивать саботаж на предприятиях военной промышленности, сообщались сводки Совинформбюро, разоблачался предатель Власов и его “освободительная” миссия.

В сводках мюнхенского гестапо фигурируют имена руководителей “БСВ”, в том числе и легендарного “Самсона”. Только много позднее гестаповские ищейки узнали, что под этим псевдонимом действовал подполковник М.Хайрутдинов - поэт Хайрутдин Музай.

В сентябре 1972 года мне довелось побывать в бывшем концентрационном лагере Дахау, расположенном вдалеке от Мюнхена.

Два ряда бетонных изогнутых опор... Колючая проволока фарфоровых изоляторах, через которую когда-то был пропущен электрический ток. Чугунные решетчатые ворота, над которыми готической вязью выведена лицемерная надпись: “Арбайт махт фрай” (“Труд освобождает”). Через них в один из хмурых ненастных дней 1944 года проследовала колонна советских военнопленных, в составе которой был и Хайрутдин Музай.

Сочная зелень аккуратно подстриженной травки на полосе, где охранники стреляли без предупреждения... Посыпанные песком дорожки, ведущие к крематорию. Но под ногами похрустывают не щебень и галька, а обломки жженных человеческих костей, смешанных с пепелом и остатками полуистлевших волос.

Бывший узник Дахау, чехословацкий гражданин Франц Блаха рассказал на Нюрнбергском процессе о зверской расправе, свидетелем которой ему довелось быть. Истерзанных допросами, обессиленных от голода советских военнопленных выстроили вдоль широкого земляного рва. Пока палачи готовили пулеметы, над лагерем загремел “Интернационал”. Взбешенные охранники били прикладами, стреляли в упор. Песня звучала до тех пор, пока последнего из 92 советских патриотов не сбили в ров. В их числе был и Хайрутдин Музай.

Печи крематория, в которых сожгли Музая и его товарищей, сохранились до сих пор. От распахнутых заслонок веет горелым железом и стылым пепелом. К кирпичной, в ржавых потеках стене прислонены железные носилки, на которых трупы загружали в печь. Здесь же лежат проржавленные, в черной окалине прутья, которыми ворошили горящие трупы. И отблески вечерней зари на пыльных стеклах кажутся отсветами того пламени, которое поглотило сердце Музая и многих тысяч его безымянных товарищей.

Готовясь к побегу, Рахим Саттар оставил блокнотик со своими стихами другу Алишу. Однако очень скоро и Алиш почувствовал, как вокруг него сжимается петля страха. Тогда он передал блокнот друга двум татарским девушкам из Донбасса, насильно угнанным в Германию, и спросил во что бы то ни стало сберечь его. Девушки выполнили его просьбу...

Блокнот самого Алиша, пройдя через множество рук, попал к бывшему военнопленному Н.Терегулову, который переписал в свой блокнот - на всякий случай! - пятнадцать стихотворений. Случилось так, что оригинал затерялся, и стихи Алиша дошли до Родины в этой единственной копии.

Н.Терегулов, переписавший тетрадку А.Алиша, воспроизвел такие слова поэта:

“Если эта тетрадь дойдет до моей Родины - я счастлив. Если прочтут эти мои записи моя бедная мать, любимая подруга и если друзья подготовят некоторые стихи и печатают и опубликуют - о большем я и не мечтаю”.

Его мечта сбылась.

Даже сейчас через десятилетия после великой победы, трудно читать без волнения эти кровоточащие строки. В них - больше, чем просто поэзия. В них живое дыхание поэтов - героев, святая убежденность их в правоте своего дела, за которое они шли в бой и на смерть.

Рафаэль Мустафин. “Мы и в неволе — все равно в бою...”, вступительная статья к книге “Три воина - поэта”. Казань, 1979 г.

Газета “Советская Татария”, 13 мая 1979 г./

РАХИМ САТТАР

Среди сподвижников Мусы Джалиля яркой личностью был и поэт Рахим Саттар. Его творчество хорошо знают татарские читатели.

Рахим Саттар (Абдрахим Сулейманович Абдулсаттаров) родился в деревне Тюбян Хажят Чишминского района Башкирской АССР 15 августа 1912 года. После окончания деревенской начальной школы Рахим продолжил образование в средней школе города Уфы. Большое влияние на будущего поэта оказал Наки Исанбет, ныне известный татарский писатель - драматург, лауреат Тукаевской премии, который в те годы работал в этой школе. Он хорошо помнит своего ученика. Исанбет высоко отзывался о литературном даровании Рахима.

“Если бы сейчас Р.Саттаров был среди нас безусловно, мы были бы свидетелями многих его ярких произведений. Талант, скромность, решительность и энергия - вот те качества, которые превосходно сочетались у Рахима”, - рассказывает Наки - ага. (Воспоминаниями о Рахиме Саттаре Н.Исанбет делился с автором при одной из встреч в Ташкенте летом 1970 года).

Отец Рахима - Сулейман Абдулсаттаров для своего времени был образованным человеком. Деревенский мулла, он после Октябрьской революции отрекся от религиозного сана. Фанатики от ислама подали тогда прошение в волостное правление о выселении его из аула за антирелигиозные взгляды. Однако революционные органы власти отказали им в этом, и Сулейман - ага активно включился в строительство колхоза. Семья была большая, воспитание детей лежало на плечах матери.

После окончания среднего образования Рахим Саттар работал шахтером в Донбассе, лесничим в Учалах Башкирской АССР, вскоре он был призван в ряды Красной Армии и служил в Даурии на Дальнем Востоке. Демобилизовавшись, вернулся в Казань, здесь вначале работал в Наркомпросе заведующим отдела кадров, затем

журналистом в редакции молодежной газеты "Яшь сталинче", где заведовал военно-спортивным отделом и перед самой войной был заместителем редактора. В 1940 году участвовал добровольцем в войне с белофиннами.

Еще до войны Рахим Саттар с большим интересом изучал труды Маркса, Энгельса, Ленина, Фейербаха, Гегеля, Плеханова, Чернышевского, Добролюбова и других философов. В школе он увлекался чтением произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Маяковского, Тухая, Гафури. Любил и техническую литературу. По словам близких, самыми любимыми поэтами его были Тухай, Некрасов и Маяковский. Рахим Саттар был добрым и остроумным человеком, умел дружить, за что товарищи по работе души в нем не чаяли. Творческие планы у поэта были велики: он мечтал написать в прозе и стихах о главных воинах - дальневосточниках, о героях финской войны, о молодежи 30-х годов. Но помешала война. Сохранились статьи, корреспонденции и стихотворения Р.Саттара, написанные им для молодежных газет и журналов. Он одинаково хорошо владел татарским и русским языками, свободно писал и говорил на этих языках.

Когда началась Великая Отечественная война Рахим осенью 1941 года ушел на фронт. Во многих боях против фашистов Р.Саттар принимал участие в составе десантных частей. Во время одного из кровопролитных боев в тылу фронта на западном направлении в июне 1942 года он оказался в гитлеровском плену. Долго возили его по концлагерям Смоленска, Борисова, Польши и Германии.

В лагере военнопленных в Вустрау (Германия) он встретился с Мусой Джалилем, Абдуллой Алишем, с которыми был хорошо знаком еще в Казани.

В фашистском плену Рахим Саттар стал активным членом антифашистской подпольной группы, возглавляемой Джалилем. Рискую жизнью, он распространял антифашистские листовки. Вместе с Джалилем и Алишем он сочинял их тексты, в которых призывал легионеров направить оружие против фашистов. По воспоминаниям

соратников, оставшихся в живых, Рахим Саттар состоял в берлинской группе антифашистского подполья, а позднее, по заданию Мусы Джалиля, был переброшен для связи с партизанами и продолжения нелегальной борьбы в Польшу. Муса Джалиль восхищался смелостью поэта - соратника, был доволен его работой. Не случайно по его заданию Рахим Саттар часто выезжал в лагеря легионеров и в нацистские предприятия, где использовался труд военнопленных.

Пользуясь как корреспондент газеты "Идель - Урал" относительной свободой, он мог снабжать легионеров и других военнопленных антифашистскими листовками, рассказывать об успехах Советской Армии, передавать сводки Совинформбюро, получаемые от Мусы Джалиля.

Участник музыкальной капеллы легиона, созданной Джалилем, Гараф Фахретдинов рассказывает: "Однажды Муса Джалиль приехал в Едлино под Радомом с каким-то высоким татаринном. Этот парень был в немецкой военной форме. Чемодан его был набит газетами "Идель - Урал". Среди газет лежали листовки. Я должен был охранять его чемодан от посторонних глаз".

Гараф Фахретдинов фамилии этого военного не помнит, но когда ему показали фотографию Саттара, он сразу же узнал на ней того офицера в немецкой форме. По рассказам очевидцев, незадолго до ареста нацистами членов подпольной организации во главе с Джалилем, Рахим Саттар вместе с другими военнопленными с помощью польского патриота - лесника совершил побег. Как после стало известно, гестапо арестовало поляка - лесника, и он был расстрелян. Так след поэта - патриота Рахима Саттара был потерян. Его дальнейшая судьба неизвестна до сих пор. Вероятно, он погиб.

И ныне исследователи и следопыты ведут поиски фактов о последних днях Рахима Саттара.

По словам оставшихся в живых соратников Джалиля, имеется несколько предположений о его гибели.

Первое. В июле 1943 года патриоты не дошли до

партизан - их схватили гитлеровцы.

Второе. Небольшая группа верных людей в пять - шесть человек была направлена на восток для установления связи с советским командованием. По свидетельству ряда военнопленных, возглавлял эту группу верный боевой товарищ Джалиля - Рахим Саттаров. Вероятно, что группе не удалось перейти через линию фронта.

Многое в патриотической деятельности Саттара произошло в связи с найденным в бывшем нацистском архиве донесением белоэмигранта, бывшего "президента" несуществующего государства "Идель - Урал" Шафи Алмаза зондерфюреру Людерзену, датированным 3 мая 1943 года. В нем, в частности, сообщалось: "Мы убеждены, что Саттаров вреден. Не только сам, но еще и тем, что берет других сотрудников (имеются в виду сотрудники газеты "Идель - Урал" - И.З.), поэтому и от них мы не можем добиться положительного участия в газете...". Далее в донесении имеются такие строчки: "В газете появился новый исторический рассказ, написанный Саттаровым, "Кто виноват?", в котором он в завуалированной форме развивает идеи классовой борьбы".

В донесении Шафи Алмаза "О большевистской деятельности Саттара" имеется и другой интересный факт: Саттаров написал для газеты статью, в которой говорилось, что татарский поэт Г.Тукай воспевал единство русских и татар и общность их судеб. В статье приводилось сочинение Тукая, и Шафи Алмаз "отклонил" ее.

Рахим Саттар, как М.Джалиль и А.Алиш, в лагере писал стихи и песни, которые затем передавались военнопленным для разучивания и исполнения. Известно, что существовали три записные книжки с произведениями Саттара, одна из них переданная Саттаром А.Алишу, другая же была доставлена в Союз писателей в 1966 году в изданный в 1966 году сборник "Стихи и песни". Подлинник записной книжки передан для публикации поэту Илю Саттарову. По рассказу Илю

Саттарова, записную книжку отца со стихами в Казань доставила бывшая военнопленная, работавшая в одном из лагерей поваром. Как выяснилось позднее, женщина эта была родом из Донбасса и звали ее Равилей Агеевой. На обложке записной книжки рукой поэта выведено следующее: “Рахим Саттар. В неволе. Стихи. Смоленск - Борисов - Вустрада - Радум - Берлин. 1942 - 1943”. Всего в записной книжке 24 стихотворения.

Рахим Саттар, как и Джалиль, вел поединок с врагом оружием поэтического слова. Стихи его звали на борьбу тысячи людей, а личная отвага поэта - воина являлась для них образцом.

**На камнях блока ОСТ в неволе
Под дождями рабства, не в бою,
Я негромко, почернев от боли,
Эту клятву Родине даю:
Мы разрушим этот ад, разрушим!...**

(“Клятва”. Перевод Р.Солнцева)

Клятве отстоять Родину от коричневой чумы фашизма посвятили свои стихотворения и Джалиль, и Алиш, и Рахим Саттар. Все они жили одной мечтой, все в трудные минуты думали и действовали одинаково. Они не сомневались в победе Советской Родины.

Рукописи Саттара, написанные на клочках бумаги, в тяжелые годы фашистского заточения поддерживали, воодушевляли тысячи читателей - военнопленных. Саттар умел передать мысли и чувства пылко, ярко и впечатляюще. например в таких стихах как: “Клятва”, “Оборванная песня”, “Письмо к матери”. Стихи Р.Саттара вернулись на Родину лишь через 23 года после их написания и возродили для народа имя отважного патриота и замечательного поэта.

Как Джалиль и Алиш, поэт предчувствовал, что может погибнуть, но голос его поэзии, он верил, будет жить. Он писал:

**Оборванная песнь -
То жизнь моя на взлете.**

**Я отдал все что есть,
А песню - допоете.**

(“Оборванная песня”. Перевод Р.Кутуя)

Ведущая тема поэзии Р.Саттара - тема Родины.

Сквозь кровь и смерть, сквозь гул жестокой схватки с врагом пробивается голос поэта, исполненный оптимизма, веры в будущее:

**Я вырос гордым. И сегодня я
На ребрах черных вижу кровь и пепел
И, кандалами длинными гремя,
Я думаю: “Что значат ваши цепи?!”**

Мой дух свободен, Родина моя...

(“Мой дух свободен”. Перевод Р.Солнцева)

Р.Саттар продолжает жить в своих стихотворениях.

Он по-своему раскрывает нравственное величие, мужество и патристические чувства советского человека, находящегося в лапах врага. Поэт призывал в своих стихотворениях на большие дела ради счастливого будущего.

Одной из особенностей поэзии Р.Саттара является ее автобиографичность. Говоря о себе, о своей жизни, о своих мыслях и чувствах, поэт одновременно говорит и от имени своего народа. Каждая строка самобытно и неповторимо отражает творчество поэта.

Рахим Саттар в своих стихотворениях оптимистичен, высказывает радость свободного труда советского человека. Этот светлый мир он противопоставляет ненавистному миру фашистов.

Исхак Забиров. Книга “Джалиль и джалильцы”.

Москва, 1983 г./

ОН В НАШИХ СЕРДЦАХ

Как ранее сообщала наша газета, в городе Уфе в Доме актеров администрация Чишминского района республики, национально - просветительский тюркский центр "Рамазан", кафедра татарского языка и литературы БГУ провели вечер памяти соратника Мусы Джалиля нашего земляка Рахима Саттара.

В фойе была организована выставка о Рахиме Саттаре и соратниках М.Джалиля. В зале на самом почетном месте - сцене - был большой портрет Рахима Саттара.

Вечер открылся "Маршем Советской Армии" Салиха Сайдашева, который исполнил оркестр Уфимского высшего вертолетного училища под руководством майора Фарита Идрисова.

Кто же он Саттар? Как сложилась его жизнь? В выступлении доцента БГУ, писателя публициста Сагидуллы Хафизова можно было услышать ответы на все эти вопросы.

- К сожалению, - сказал выступивший, - монополизм, разочаровавший людей в творческой работе, запустил свои корни глубоко и в духовную нашу жизнь. В официальных кабинетах составлялись списки лауреатов, героев, указывались юбиляры и, как правило, почести раздавались личностям, удовлетворяющим власть имущих, а настоящие сыновья народа оставались вне поля зрения общественности. Но об уроженце деревни Тюбян Хажят Чишминского района Башкортостана Рахиме Саттаре, чье детство и молодость прошли на берегах реки Дема, забыть невозможно.

В своих выступлениях поэты - фронтовики Муса Гали и Гилемдар Рамазанов развили эту мысль. Они прочитали стихотворения, посвященные военной теме.

Рахим Саттар в одном из своих писем с фронта писал: "Сын, мой Иль, научись красиво разговаривать и писать на

Отец Рахима - Сулейман
Абдулсаттаров. 1914 г.

Рахим Саттаров.
23 ноябрь 1932 г.

Рахим со своими родными: (в первом ряду слева направо) старший брат Рахима - Габдрахман, самая младшая сестренка Суфия, мать - Хадича апа, Рахим; (во втором ряду слева направо) младшие сестры - Фаузия и Фарида. 1932 г.

Рахим Саттаров с женой Назией. 1932 г.

Рахим Саттаров. 19 марта 1935 г.

Рахим Саттар. 15 июля 1939 г.

Рахим Саттаров (первый слева) с сослуживцами. Даурия, 1935 г.

Рахим Саттар в редакции газеты "Яшь сталинче". 1939 г.

Рахим Саттар, последнее фото с фронта. 1942 г.

Амир Утяшев - бывший легионер, участвовал в организации побега Рахима Саттара из фашистского плена в 1943 году.

Сын Рахима Саттара - Иль. Севастополь, 1954 г.

Старший брат Рахима - Саттаров Габдрахман. 1976 г.

Дочь и внук Рахима Саттара - Алсу и Андрей

Внучки Рахима Саттара:
Лилия с сыном Саидом и Дина с дочкой Лейлой.

татарском языке. Человек, который не любит родной язык, не будет знать хорошо и другие языки”.

Сидящие в зале встретили аплодисментами сына поэта, кандидата философских наук, доцента Казанского строительного института Иля Саттарова. Он показал книжечку со стихотворениями, которые его отец писал в ссылке. Этот блокнот, передаваемый из рук в руки, прибыл из Родины поэта. К сожалению, полный сборник Р.Саттара до сих пор не издан.

Воспоминания родных сестер Рахима Саттара Суфии Ханум и Фариды ханум оставили у зрителей теплые впечатления.

На вечере выступили земляки, односельчане поэта. Глава администрации Чишминского района Ринат Магсумов поэтам - фронтовикам, сыну Рахима Саттара вручил памятные подарки. Он сказал, что одна из новых улиц в поселке Чишмы будет носить имя Рахима Саттара.

Народная артистка Башкортостана Ильсияр Газетдинова и старший преподаватель БГУ Марат Шарипов весь вечер впечатляюще. Башкирские и татарские песни в исполнении певцов Фанави Салихова, Венеры Шариповой, Айгера Габдинова, Флюры Мустафиной, Раймана Ишмаева, Саливата Ахсанова, национальные мелодии в исполнении

Саливата Ахсанова, стихи Рахима Саттара, которые
Ильсияр Газетдинова, выступления
Марата Шарипова артистов Чишминского района пришлось

ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Все сущее спокойно на рассвете
В соковищах пролады и росы.
Лес обогнув, как прошлые столетья,
Пою себе средь утренней красы.

Но песня та всей жизни не вместила -
Когда друзей иссяк привычный круг,
Сорвался голос, набиравший силу,
Высокий голос оборвался вдруг.

СЛАВА

В чем слава солдат,
Уходящих в атаку, -
Глазам - не увидеть, рукам - не объять.
Она не жестянка нагрудного знака,
И слово не в силах ее передать.

И пусть командир наш
Солдату расскажет,
Как слава пылает священным огнем -
Ведь сердцу живому сгореть не прикажешь,
Пока звон небес отзывается в нем.

“Что значит та слава,
Когда ты как пепел
Развеян по ветру?” - так думает он.
И вот рукопашная яростью слепит -
И грудь вся в крови, и огнем опален.

И взгляд исподлобья
Подобен кинжалу -
Уже он защитник, рожденный войной.
“Любимая! Если бы ты увидела
Их грудь во френчах, поверженных мной”.

ДУХ МОЙ ВЫСОК

Гордым быть
Научила мать.
Взрослым став, не забыл:
Ни перед кем головы не склонять.
Я ее не склонил.

В оковах руки мои,
А свет - замками ворот закрыт.
Но дух мой не сломлен
И страха нет,
Хоть глухо бьют топоры.

МОЙ ТОВАРИЩ

Желтый барак был набит битком,
В нем время ползло, как вошь.
И каждый жаждал начать разговор,
Но близкого как найдешь?

Сосед мой по нарам был Николай,
Совсем мальчишка на вид.
Голубоглазый, как месяц май -
В бою был чуть не убит.

Враги подобрали, не пристрелив.
И вот мы в бараке, здесь.

Его короткий рассказ правдив,
Как небо, прозрачен весь.

Сердца раскрывались от тех речей.
Время впустую не шло.
Голос его как весенний ручей -
И мне от него тепло.

Кто-то о нем подумает: враг.
Мне с теми не по пути.
Друг по несчастью - думаю так.
Ближе мне не найти.

Мы вместе в атаку ходили не раз
На общего нам врага,
Одна и та же страна у нас -
И нам она дорога!

ПЛЕННЫЕ

Когда солнце, багрово пылая,
Наливается тяжестью дня,
Мы плетемся средь пыли и лая,
Хриплым кашлем усталость кляня.

Из карьера нас гонят до лагеря,
Башмаки выскребают: цок-цок,
Наша участь - расстрелянных штабели,
Суп - баланда, подушка - мешок...

Башмаки деревянные шаркают
По дороге из белых камней.
И болят наши головы жаркие
От печали потерянных дней.

Много нас на проклятой дороге
С разных стран собирает война.
Сильных телом вчера и убогих
Нынче, жаждущих пищи и сна.

Как одеты мы -
Смехом подавишься:
Этот в брюках из разных заплат,
При камзоле, с которым прославишься -
Как сметаной обрызган наряд.

Швом суровым прихвачены полосы,
Но видна, как сквозь сито, нога.
Скажешь - будто пониже пояса
Отпечатан удар сапога.

Шапки войск сорока нахлобучены,
Как на чучело пыльный горшок.
Наши ноги мозолями вспучены.
Башмаки выскребают: цок-цок.

Вон и дом наш -
За рвами-оврагами,
Под прицелами, и ржавых шипах.
Не тюрьмой называют, а лагерем.
Холод веет оттуда и страх.

.....

ПИСЬМО К МАМЕ

Радости мы встречали вдвоем,
Горе пришло - но тебя рядом нет.
С кем разделить это горе мое.
Одиночества жалающий свет?

Плакала ты, провожая в путь,
Слезы пролив на мои рукава,
И, припадая ко мне на грудь,
Все повторяла свои слова...

Высохли слезы давным-давно.
Но те слова до сих пор звучат:
“Бейся, сынок мой! А коль суждено
В битве погибнуть - умри как солдат!

Если же дрогнешь, пропустишь врага,
Спину покажешь стае волков -
Значит, нечисто то молоко,
Которым вскормила - себе на позор!”

Высохли слезы давным-давно,
Только слова повторяю стократ:
“Бейся, сынок мой! А коль суждено
В битве погибнуть - умри как солдат!”

Думаешь, верно: “Оладьи-блины -
Целую гору поставлю на стол,
В день, когда он возвратится с войны”.
Лучше не думай, пока не пришел.

Лучше не жди пока - масло и мед
Не сохранишь до заветного дня.
Все дела мира узнать наперед
Нам не дано средь битв и огня.

Не проклинай ты меня, а прости -
Не опозорю родных седин.
Любящий так не собьется с пути,
Перед врагами не дрогнет твой сын.

РАДИ НАРОДА СВОЕГО

На Востоке зари
Разрастается свет
Из-за гор, что поднялись как щит.
Впереди - неизвестность и выхода нет.
Свет Отчизны туманами скрыт.

Там осталась бесценная мама моя.
И страна - как закрытая дверь.
Те, с кем рядом сражался -
Все также в боях..
Где же я оказался теперь?!

Кем же стал для тебя я,
Родная страна,
Не забыв твоих бед ни на миг?
Сиротой ли безродным...
Карай меня - на! -
Только снова как сына прими.

Только знай: каждый вздох мой
Тебе посвящен,
Мои силы, воля и честь
Враг не сломит меня,
Не услышит мой стон -
Лишь бы знать до конца,
Что ты есть!

ГОЛОС НЕПОКОРЕННОЙ МЫСЛИ

(поэма)

1

Я узник Берлина.
Готики блеск
Мне кажется серым сном...
Из памяти встали лужайка и лес -
К горлу поднялся ком.

.....
Там, на лужайке, гусята, птенцы
Свою потеряли мать,
А мы кувыркаемся, сорванцы,
Их горя нам не понять.

Играем в бая и бедного мы,
Как помню я до сих пор,
Дворец из соломы
Построили мы...
Из листьев березы - двор.

Колодец в песке -
Посередке двора,
Как ямка, что в каше мнут.
Апа позвала нас:
“Обедать пора,
Гусята мои, я тут!”

А вечером поздним молочная мгла
Спустилась в звездную шаль,
Деревня затихла и в сон ушла.
Стало чего-то жаль...

Мое одеяло - рваный тулуп,
Над ухом - писк комара.
Но громче и громче печальный звук,
Идущий из-за двора.

Сиротство гусенка
Опять и опять
Вплетается в разум мой...
А если и я потеряю мать?
Что станет тогда со мной?

Утром в речке купались мы,
Собравшись на берегу.
На той же лужайке играли мы,
Которой забыть не могу.

Но сразу каждый из нас замолчал,
Когда узнали мы вдруг -
Один гусенок в колодец упал,
Как выпал из теплых рук.

Есть ли печальнее что на земле,
Чем голос сиротства в ночи?
Прошло-пролетело уж двадцать лет,
Но голос тот в сердце звучит.

И сам заблудился я, видно, теперь,
Угас потихоньку - как знать,
Где ляжешь на землю,
Закроется дверь...
Где ляжешь, чтобы не встать.

2

Мысли мои, как горный поток,
Выходят из берегов.
Ждать не хотят, чтоб обдумать мог,
Рвутся из тяжких оков.

Прямо из сердца рвутся они,
Тесно им там, в глубине.
Найти, увидеть хотят они

Дорогу к родной стране.

И даже если бы мог сказать?
“Смирись, моя мысль, терпи!”
Веревкой рассудка ее не связать,
Как вольных коней в степи.

Напрасные мысли!
Огромный Берлин
Под властью большого орла.
За каждым углом
Он неистово бьет
Стальным опереньем крыла.

3

Иду по Берлину,
Но готики блеск
Мне кажется серым сном.
Быть может, для немца здесь радость есть,
Но радость моя в другом.

Мне чуждо здесь все -
Геральдика стен,
Улиц серый ландшафт.
Туман окружает меня,
Как плен,
Как речь чужая в ушах.

Мне кажутся стойлами эти дома -
И женщины те же собой:
Их груди запали, а бедра - вперед,
Изогнуты худобой.

Мужчины - загривки бычьи, живот -
Пудами сало на них.
Здесь каждый за счет машины живет -
И мысли о том же у них.

Машины, крутясь, изрыгают дым,
Он тянется вдоль земли.
Много сделать товаров, еды
Эти машины смогли.

И даже могут делать детей.
Зачем же гореть-горевать?
Любовью пьянея: "Сердце мое" -
Блондинке своей повторять?

4

Иду по Берлину,
А мысли одни -
О родине, где мой народ.
Здесь - в черной печали проходят дни,
А там - мама слезы льет.

Здесь минареты
Как цапли белы,
Тянутся к облакам...
Но нет в них тепла -
Только холод золы
И сырость лишь по углам.

Похожи они на погасшую печь:
Из стужи ты в дом войдешь
С мыслью одной: прислониться, лечь,
И вдруг - холодная ложь.

5

Германский гений за все века
Город этот воздвиг.
На каждой улице свысока
Взирает бронзовый лик.

Плац и штрассе - фасадов строй

От Бранденбургских ворот.
Смог построить город такой
Трудолюбивый народ.

Но тот же народ
Замахнулся мечом,
Не зная ни в чем границ -
Творения зодчих здесь ни при чем,
Здесь пиршество черных птиц!

6

Не нужны мне эти минареты,
Не нужны соборы и дворцы.
И в аллеях, зеленью одетых,
Месяц их и звезды-леденцы.

Пусть соломой будет крыта крыша,
Пусть ребенок ходит босиком,
В каляпуше - дед, что еле слышит,
На столе лапшичка с молоком.

Пусть дороги с грязью по колено,
Пусть мозоли рвутся на руках.
Только пусть не знающая плена
Остается Родина в веках!

*/Перевод Дмитрия Ионенко. Журнал "Казань". № 5-6,
1998 г/*

Чем ты дальше, отчий край,
Тем ты ближе и милее.
Нет на свете доли злее,
Чем сказать тебе: "Прощай!"

Такой уж выпал жребий мне:

Как перелетной птице,
Лететь, лететь и приземлиться
В чужой, немилый стороне.

Сегодня здесь ты, завтра - далеко.
Идешь вперед сквозь яростные грозы...
Не ведал я, как будет нелегко
Лить на чужбине горестные слезы.

*/Перевод М.Скореходова. Книга "Три поэта -
воина". Казань, 1979 г./*

КЛЯТВА

На камнях блока "ОСТ", в неволе,
Под дождями рабства, не в бою,
Я негромко, почернев от боли,
Эту клятву Родине даю.

Мы разрушим этот ад, разрушим!
Ненависть моя живет молчком,
Ненависть моя в патроне русском
Дремлет мягким теплым порошком.

Вы еще увидите, арийцы,
Как она вам, подводя итог,
Благодарно каждому в петлицу
Всунет нежный, огненный цветок!..

*/Перевод Р.Солнцева. Книга "Три поэта - воина".
Казань, 1979 г./*